

НА ВЫСТАВКѢ: „МІРЪ ИСКУССТВА”.¹

(Окончаніе.)

[72]

Теперь, когда прошло уже болѣе десяти лѣтъ со времени перваго появленія на выставкахъ cadaго изъ поименованныхъ художниковъ, когда значеніе cadaго уже вполне опредѣлилось и всѣ они успѣли уже въ достаточной степени высказаться, какъ со стороны внутренняго содержа-

[73]

нія, такъ и со стороны внѣшнихъ формъ творчества,—теперь говорить вновь о каждомъ изъ нихъ не приходится: это значить ничего не прибавить къ ихъ славіи и не сказать ничего такого, что не было бы уже давно сказано и всѣмъ извѣстно.

Одни изъ нихъ стоятъ въ самомъ зенитѣ творчества, другіе впади въ неизбѣжную повторность, иные обнаруживаютъ признаки явнаго упадка...

Могучій духъ Врубеля сраженъ тяжелымъ недугомъ, и вотъ на выставкѣ рядъ его работъ, исполненныхъ имъ въ періодъ болѣзни. Грустно и тяжело смотрѣть на эти созданія больного гения, чья рука уже дрогнула, а душа еще озаряется временами вспышками яркихъ молній, но уже не способна горѣть неугасимымъ огнемъ. И все же его гордый духъ настойчиво борется съ недугомъ и рука упорно не выпускаетъ кисти...²

Сомовъ неожиданно выступилъ въ скульптурѣ. Поразительно изящна раскрашенная фарфоровая группа „Влюбленные”, (2 № „Золотого Руна”). Изысканный и утонченный мастеръ сказался въ немъ и на этотъ разъ. Сквозь внѣшнюю оболочку реального едва уловимыми чертами сквозить та внутренняя глубина, всегда отличающая вещи Сомова отъ обычно-реальныхъ вещей

---

¹ [Н. Тароватый, «На выставке “Мир Искусства”» *Золотое руно*, 1906, №5, 72-74]

² Наши читатели уже знакомы съ этими работами по I № „Золотого Руна”, въ которомъ были помѣщены снимки съ цѣлаго ряда этихъ его произведеній.

другихъ художниковъ. И опять 3—4 миниатюры-открытки, передъ которыми стоишь и любишь рѣдкой способностью Сомова передавать въ блесткахъ воздушной акварели самые нѣжные нюансы мельчайшихъ деталей.

Ал. Бенуа далъ 6 иллюстрацій къ „Пиковой Дамѣ”. Есть въ нихъ что-то жуткое, безпокойное, какъ разъ то самое, что чувствуешь при чтеніи этой повѣсти. Трудно желать болѣе удачныхъ иллюстрацій къ Пушкину. Дальше—отголоски Версальскихъ работъ Бенуа, часть которыхъ была уже выставлена на акварельной выставкѣ въ Москвѣ. Это отзвуки тѣхъ работъ, характеристику которыхъ въ № 3 „Золотого Руна” далъ М. Волошинъ.

У Л. Бакста красива „Осень”, (4 № журнала), гдѣ дано сочетаніе бархатистолиловыхъ тоновъ на сѣровато-дымчатомъ фонѣ. Огромная ваза на первомъ планѣ, наполненная гроздьями винограда, позади—уходящая даль парка съ двумя грустными фигурами мужчины и женщины, расходящихся по разнымъ дорожкамъ въ дымкѣ облачнаго осенняго дня.

Лансере удачно вводитъ насъ въ жизнь елизаветинской эпохи. Стоишь передъ его картиной, и чудятся шелесты шелка, сливающіеся съ льстивымъ говоромъ царедворцевъ, позади царицы, сходящей въ аллею подстриженныхъ подъ ранжиръ деревьевъ. Хорошъ „Петербургъ 18 вѣка”, словно навѣянный послѣднимъ романомъ Мережковского. Въ этихъ двухъ вещахъ Лансере выказалъ всю полноту проникновенія въ изображаемую имъ эпоху и всю силу своего дарованія.

Поразительный „Портретъ” далъ Головинъ. Въ нѣсколькихъ лицахъ, изображенныхъ на полотнѣ, художнику, уда-

[74]

лось схватить ту затаенную жизнь, что свѣтится лишь въ живомъ взорѣ. Изъ-за мертвенной застылости недвижныхъ лицъ просвѣчиваетъ эта жизнь.

Добужинскій ищетъ своихъ сюжетовъ въ современномъ городѣ съ его массивами скученныхъ, однообразныхъ зданій — казармъ, созданныхъ современностью. „Человѣкъ въ очкахъ” на фонѣ широкаго окна дешевая парикмахерская съ тускло мигающимъ фонаремъ и освѣщенныя нмъ уродливыя восковыя фигуры въ витринѣ, согнувшійся прохожій, пробѣгающій мимо,—все это носить въ себѣ какую-то призрачную жуть современности. Все это—призраки большого города.

Хороши у Грабаря „Хризантемы”, сервировка стола, убраннаго пышными, желтыми гроздьями цвѣтовъ.

Коровинъ привезъ изъ послѣдней поѣздки въ Парижъ цѣлый рядъ этюдовъ: парижскія улицы, залитыя газомъ, съ массой экипажей и пѣшеходовъ, со всей сутолокой, пестротой и яркостью міровой столицы.

У Сѣрова два портрета: Шаляпинъ и Федотовой.

Трудно сказать что-либо объ этихъ новыхъ вещахъ Сѣрова, стяжавшаго себѣ такую крупную славу реальнаго портретиста. Портретъ Сѣрова—этимъ сказано все. Ему, какъ никому, удастся подчеркнуть въ портретахъ тѣ мелкіе штрихи, обличающіе личность, что ускользаютъ почти всегда отъ поверхностнаго взгляда, и подчеркиваніе это, разумѣется, не случайное и выполнено оно всегда у Сѣрова безъ малѣйшей крикливости и съ большой осторожностью.

Въ „Вихрѣ” Малявина—дѣйствительно вихрь красокъ, пятень, яркихъ до боли. Въ сущности, это не болѣе, какъ разработка все того же излюбленнаго художникомъ мотива, какъ всегда въ большомъ масштабѣ, но съ еще большимъ движеніемъ эффектно-скомбинированныхъ, многочисленныхъ фигуръ.

Н. Т а р о в а т ы й.